

Генерал Н.В. Рузский фальсифицирует историю

Отречение императора Николая II престола 2 марта 1917 г. явилось тем рубежом, после которого события великой русской революции приняли необратимый характер. Важнейшую роль в событиях конца февраля- начала марта 1917 г. в Пскове, где располагался штаб Северного фронта, сыграл главнокомандующий фронтом генерал Н.В. Рузский. О трижды высказался о своей конкретной роли, сыгранный им в отречении последнего российского самодержца.

По горячим следам 5 марта 1917 г. он дал интервью В. Самойлову, журналисту газеты «Русская воля». ⁱ Рузский заявил, что именно он сыграл в этих событиях ключевую роль, убедив царя отречься от престола. В мартовские дни 1917 г. лейтмотивом всех публикаций об отречении являлась идея о добровольном сложении царем верховной власти. Эта идея была необходима Временному правительству для своей легитимации. Власть не была захвачена самозванцами, царь не был низложен, он добровольно, без всякого принуждения со стороны организующейся новой власти, сложил себя верховные полномочия. Поэтому героем отречения должен быть признан тот, кто убедил самодержца сделать этот исторический шаг. Именно такой персоной позиционировал себя Рузский, в газетном интервью «Русской воле». Главкосев без обиняков заявил: «Я убедил его отречься от престола в тот момент, когда для него самого ясна стала несправимость положения».

14 июня 1917 г. в Кисловодске, когда обстановка в стране сильно изменилась, Рузский более подробно рассказал об обстоятельствах отречения великому князю Андрею Владимировичу. ⁱⁱ К этому времени главкосев уже был отстранен с поста главнокома, но еще не собирался уходить из политической жизни. Вопрос о монархии оставался открытым. Обращаясь к представителю императорской фамилии, не следовало украшаться тем, что убедил царя отречься, а напротив, постараться дистанцироваться от того образа. Поэтому Рузскому пришлось опровергать самого себя. Теперь бывший главкосев позиционировал себя как сторонника ответственного министерства, буквально вырвавшего у царя согласие на введение его, не только не добивавшегося какого-либо отречения, но даже пытавшегося не допустить его вовсе, однако все же вынужденного подчиниться добровольному решению монарха.

В сентябре 1918 г. в Иссентуках во время «красного террора», жертвой которого он вскоре стал, Рузский передал для последующей публикации убежденному монархисту генералу С.Н. Вильчковскому, копии подлинных документов, возникших в феврале-марте 1917 г. Он сопроводил их обстоятельными комментариями. Накануне гибели Рузский уже отчетливо понимал, что именно он натворил, но не желал этого признавать и главную свою задачу видел в том, чтобы опровергнуть уже сложившееся в обществе мнение о себе как главном виновнике отречения. Генерал старался всеми правдами и неправдами доказать, что он не более виновен, чем остальные главкомы. Главным же виновником гибели монархии являлся начальник штаба верховного главнокомандующего М.В. Алексеев. Сам же Рузский сделал все от него зависящее, чтобы избежать отречения. Но это ему не удалось, потому что он стал жертвой дезинформаторов: наштаверха и председателя Государственной Думы М.В. Родзянко. ⁱⁱⁱ На этот раз Рузскому пришлось сильно скорректировать свои прежние версии, чтобы они не оказались в противоречие с переданными Вильчковскому документами.

Таким образом, Рузский проделал эволюцию от образа генерала, убедившего царя

отречься, до верноподданного солдата, пытавшего не допустить отречения ни в коем случае. Сопоставляя все три версии, нетрудно убедиться: ни одной из них нельзя верить. Особенно если учесть, что в середине этой эволюции Рузский позиционировал себя как либерально мыслящего человека, сорвавшего попытку царя ограничиться урезанным вариантом кабинета доверия. Поэтому глубоко неправы те исследователи отречения, которые для обоснования своих концепций выбирают отдельные элементы той или иной версии. Ведь все они равно недостоверны - переходя от одной версии к другой, Рузский все время сам себя опровергал. Все эти версии следует рассматривать только в совокупности. Но это не значит, что каждая из версий, взятая отдельно, не представляет исследовательского интереса. Как раз напротив, все три версии интересны, прежде всего, тем, что, фальсифицируя историю различными путями, главкосев старался скрыть от читателя одно и то же. Сопоставляя фальсифицированные версии и выявляя намеренно утаенное человеком, оказавшемся в силу сложившихся обстоятельств в самом центре борьбы вокруг отречения Николая II, мы получаем возможность таким путем приблизиться к пониманию действительного хода тех трагических событий.

В первой версии Рузский утверждал, что он был абсолютно не осведомлен о том, что происходило в Петрограде и никаких уведомлений от Исполнительного комитета Государственной Думы не получал. Николай же, напротив, был в курсе дела и знал гораздо более того, что было известно главкосеву. Поэтому, когда царь в 2 часа ночи 2 марта во время первого приема Рузского показал ему подписанный манифест об ответственном министерстве и спросил его мнения, главкосев уклонился от ответа, хотя и понимал, что этот документ уже запоздал. Генерал ограничился советом переговорить на этот счет с председателем Государственной Думы Родзянко. Председатель же заявил, что единственным выходом из создавшегося положения является отречение царя в пользу сына.

Во второй версии Рузский оказался несколько более осведомленным. Еще до встречи с царем он получил длинную телеграмму Алексеева с изложением событий, начиная с 24 февраля. Но не мог понять, кто же действительно владеет столицей. Будучи «информационно чист» и никем не ангажированным, Рузский во время первой встречи с царем после 21 часа 1 марта высказал свое кредо о необходимости даровать ответственное министерство. Возможно, ему не удалось бы уговорить царя, если бы в это же время не пришла телеграмма Алексеева о том же. Она окончательно склонила государя принять решение. Однако царь предпринял попытку отделаться министерством доверия, в котором силовых министров и министра иностранных дел назначал бы царь. Но Рузский во время второго приема в первом часу ночи 2 марта добился того, что Николай передал ему телеграмму о даровании ответственного министерства. Она была сообщена Родзянко, передана в Ставку и «прошла по всем фронтам».

В третьей версии Рузский выступает уже информированным, но осведомленным сведениями ложными, полученными от Родзянко и Алексеева. Его просто напосто дезинформировали. И председатель и наштаверх уверили его в том, что в Петрограде образована новая власть, которая ставит своей целью восстановление порядка и предотвращение революции. Рузский в эту ложь поверил и стал жертвой дезинформации. До сих пор Рузский «считал себя еще совершенно в стороне от событий», но теперь решил действовать в духе Ставки. Анализируя поступающие сообщения, Рузский сначала пришел к выводу, что признанная Ставкой новая власть с бунтом в столице справилась. Но в начале шестого часа вечера 1 марта главкосев стал в этом сомневаться. А между тем еще до прибытия царского поезда в Псков Рузский узнал, что Алексеев умолял царя согласиться на манифест об ответственном министерстве. Главкосев решил поддержать ходатайство Алексеева и по его требованию попросил аудиенции у царя после 21 ч. За это время Рузский убедился, что в окружении царя и сам монарх не отдают верного отчета в том, что происходит и насколько положение серьезно. Будучи солдатом, Рузскому пришлось выступить в несвойственной для него роли политического деятеля. От его

доклада зависело будущее всей страны, но он не имел достоверных сведений для такого выступления и пытался уклониться от этой роли. Но царь настоял на его докладе. Рузскому пришлось излагать то, что ранее он получил от Алексеева. В ходе доклада у него возник принципиальный спор с царем о целесообразности ответственного министерства. Рузский убедил Николая поступить вопреки его совести и согласиться издать манифест об ответственном министерстве. Проект манифеста ему предали из Ставки в 23.30, когда он вышел от царя во время перерыва его доклада. Но пока Рузский выходил, царь, видимо, изменил свое решение. Главкосев заявил, что не хочет поступать вопреки его воле и предложил не посылать телеграмму об ответственном министерстве. Но царь остался при своем решении. Он поступил так потому, что мнения Рузского и Алексеева совпали, а эти люди были всегда противоположных мнений. Главкосев решил, что теперь дело Родзянко успокоить Россию. Как и царь, он поверил в то, что ВКГД создан для восстановления порядка. Рузский, как и Алексеев не знал, что творилось в Петрограде. Ему не было известно, что образовался Совет рабочих и солдатских депутатов и на улицах офицеров убивают. Более всего Рузский боялся гражданской междоусобицы во время войны и надеялся, что публикация манифеста вырвет из рук революционных партий могучее средство агитации. Поэтому он поддержал ходатайство Алексеева и решил, что теперь дело Родзянки успокоить Россию.

Как видим, в первой версии решение даровать ответственное министерство принимает осведомленный царь, проницательный, но не осведомленный Рузский же не имеет никакого отношения к этому царскому решению. Во второй версии не информированный Рузский, будучи сторонником идеи ответственного министерства, добивается у царя издать манифест об этом, срывая попытку монарха отделаться кабинетом доверия. Наконец, в третьей версии дезинформированный Алексеевым и Родзянко, стоявший вне политики Рузский в силу стечения обстоятельств стал рупором Ставки и убедил царя пойти на дарование ответственного министерства. При этом никаких «подвигов» в виде пресечения попытки Николая отделаться министерством доверия, он не совершал.

Во всех трех вариантах важнейшим элементом является ложь Рузского о своей якобы неосведомленности и в силу этого непричастности к действиям к какой-либо из противоборствующих сторон. Сохранившиеся документы штаба Северного фронта и Ставки верховного главнокомандующего не оставляют никаких сомнений в том, что Рузский был хорошо информирован Алексеевым в сложившейся обстановке.^{iv} Более того можно даже утверждать, что он знал даже более наштаверха, потому что имел свои информационные каналы. В сообщениях начальника штаба Северного фронта Ю.В. Данилова фигурируют некие «частные сведения», полученные из Петрограда.^v Не может не обратить на себя внимание и стремление Данилова оправдаться перед Ставкой за то, что он утаивает от Могилева сведения, которыми располагает.^{vi} Но, пожалуй, самое важное свидетельство осведомленности Рузского содержится в дневнике самого Николая. Излагая доклад Рузского об итогах его ночных переговоров с Родзянко 2 марта, царь записал буквально следующее: «По его словам, положение в Петрограде таково, что теперь министерство из Думы будто бессильно что-либо сделать, так как с ним борется социал-демократическая партия в лице рабочего комитета». Сопоставляя запись разговора Рузского и Родзянко с формулировкой, озвученной Главкосевом во время утреннего доклада царю, нетрудно убедиться, что председатель ВКГД оперировал такими понятиями абстрактными понятиями как «анархия» и «расстройство умов».^{vii} Выражения же «социал-демократическая партия в лице рабочего комитета» он не употреблял. Очевидно, такая формулировка заимствована Рузским из другого источника. Скорее всего им был либо начальник военно-морского управления при главнокомандующем армиями Северного фронта капитан 1-го ранга В.М. Альфатер, либо помощник начальника морского генерального штаба и офицер для поручений при начальнике Морского штаба верховного главнокомандующего капитан первого ранга А.П. Капнист. Именно в их телеграммах и в записях переговоров по прямому проводу с морским штабом Ставки

встречаются такие формулировки.^{viii}

Выдвигая на первый план свою неосведомленность и не ангажированность, Рузский, очевидно, пытался скрыть, чьим именно союзником он являлся в те роковые дни. Главкосев был первым главкомом, который еще 27 февраля в 23. 25 телеграммой царю поддержал обращенное к главкомам ходатайство Родзянко поставить во главе кабинета лицо, пользующееся доверием страны^{ix}. Рузский не мог утаить этого обстоятельства во всех трех версиях, потому что оно было хорошо известно их газет. Естественно, именно фигура председателя Государственной Думы выходит на первый план, с кем тесно сотрудничал Рузский накануне отречения. Едва ли случайно то, что еще до приезда царя в Псков осторожный главкосев 1 марта в 17. 37 послал телеграмму Родзянко с просьбой восстановить порядок в Петрограде и этим своим обращением признал властные полномочия председателя. Председатель же не замедлил их подтвердить, заверив главкосева в ответной телеграмме, что его пожелания будут выполнены.^x Этот «обмен любезностями» как бы знаменовал единство действий председателя и главкосева, в тот момент, когда Рузский полагал, что власть переходит в руки председателя Временного комитета государственной Думы. Но при этом, следует подчеркнуть, что пока речь шла вовсе не об ответственном министерстве, как потом пытался убедить всех Рузский, а только лишь о кабинете доверия. И на первом приеме царем Рузского в 21 ч, очевидно, речь шла именно об этом. Во второй версии Рузский поведал, как сумел убедить царя не ограничиваться «урезанным» министерством доверия, а дать полноценное ответственное министерство. В третьей же версии главкосев о важном своем подвиге «забыл». Там речь шла только об ответственном министерстве, идею которого Алексеев буквально вынудил Рузского озвучить перед царем. Примечательны обращения друг к другу председателя и главкосева во время ночных переговоров по прямому проводу: «Душевно преданный Родзянко» и «Глубокоуважающий вас Рузский».

В действительности же добиться согласия царя на публикацию манифеста об ответственном министерстве Рузскому удалось после негласного контакта начальника его штаба Ю.В. Данилова с Родзянко в половине двенадцатого часа ночи 1 марта. А также переговоров по прямому проводу генквартирмейстера Ставки В.Н. Клембовского с генквартирмейстером Северного фронта А.Г. Болдыревым 2 марта в 0.25.

Контакт Родзянко со штабом Рузского в момент его доклада царю – важнейший эпизод в истории отречения, который всячески скрывал Рузский. Однако никто из исследователей не обратил на него внимания, хотя документы об этом давно опубликованы. 1 марта в 22.50 состоялся разговор по прямому проводу Ставки верховного главнокомандующего со Ставкой главнокомандующего Северного фронта. Подполковник генерального штаба Щербаков сообщил в Могилев Б.Н. Сергеевскому, что Рузский был с докладом, передал царю поступившие телеграммы, но никакого распоряжения не последовало. «Сейчас соединяем прямым проводом главкосева с Петроградом полителестаном, по которому будет говорить председатель Государственной Думы», - доложил подполковник. В 23.3 в Могилев было сообщено, что телеграмму Алексеева об ответственном министерстве передали Рузскому 10 минут назад (то есть, в 22.53), когда он находился в царском поезде. В 23.25 Данилов вернулся из поезда, но никаких распоряжений от царя не вынес. «Сейчас наштасев говорит по прямому проводу с Родзянко», - доложил Щеобаков. Доклад Рузского продолжается, - сообщил он в Могилев.^{xi} В 0.15 Царь телеграфировал жене, что они скоро увидятся, а через 5 минут генералу Н.И. Иванову, посланному усмирять столицу, была отправлена телеграмма не предпринимать никаких мер до приезда царя. А еще через пять минут состоялся разговор по прямому проводу помощника наштаверха В.Н. Клембовского с генквартирмейстером Северного фронта В.Г. Болдыревым. «Известно ли вам о прибытии конвоя его величества в полном составе в Государственную Думу с разрешения своих офицеров и о просьбе депутатов арестовать тех офицеров, которые отказались принять участие в восстании?, - спросил Клембовский и, получив отрицательный ответ, продолжил: «Представители армии и флота постановили признать

власть исполнительного комитета Государственной Думы... Все излагаемое надо доложить главнокомандующему для всеподданнейшего доклада». Помощник штаба также потребовал, чтобы обо всех переговорах, которые ведутся между Штабом Северного фронта и Государственной Думой хотя бы вкратце докладывали в Ставку.^{xii} В 0. 50 выяснилось, что гарнизон Луги перешел на сторону Временного комитета, а поезд царя, равно как и эшелоны с войсками, посланные в Петроград с фронта, не смогут пройти лужский рубеж. В 1.20 Царь распорядился вернуть их на место дислокации. Только после этого Николай дал согласие Рузскому на публикацию манифеста об ответственном министерстве. Родзянко муссировал слухи о походе бунтующей толпы на Царское Село^{xiii}, где находилась семья Николая. Об этой же опасности почти одновременно сообщили из Ставки. Можно не сомневаться в том, что после разговора Данилова с председателем сообщение о переходе конвоя на сторону восставших стало главным аргументом в руках Рузского, заставившего царя пойти на уступки, чтобы спасти жену и больных детей. Именно оно позволило Рузскому сломить сопротивление царя, после чего он стал сдавать позиции одну за другой.

Именно это обстоятельство главкосев и старался скрыть во всех вариантах своего рассказа об отречении. Хотя можно сказать, что он неосторожно почти проговорился об этом. Во второй версии Рузский сообщил: во время первого приема в 21 ч., когда он доказывал царю необходимость ответственного министерства среди аргументов было им упомянуто, что «по уже по слухам Собственный конвой Его Величества, перешел на сторону революционеров» и именно в это время «была получена телеграмма от Алексеева, где он просил о даровании ответственного министерства», которая прекратила колебания царя. Сопоставляя эту неосторожную оговорку с вышеприведенными переговорами Ставки со штабом Северного фронта, а также со временем передачи телеграммы Алексеева Рузскому относительно ответственного министерства, становится очевидным, что в устах главкосева аргумент об измене конвоя стал той точкой невозврата, после которой все дело неумолимо покатило к отречению царя. Рузский же разными способами старался закамуфлировать это важнейшее обстоятельство.

В первой версии главкосев утверждал, что в десятом часу вечера 2 марта, когда А.И. Гучков предложил царю отречься, «особенно сильное впечатление на Николая II произвела весть о переходе его личного конвоя на сторону на сторону восставших войск». То есть, этим автор старался подчеркнуть: до сего момента царь якобы ничего не знал об измене конвоя. «Факт этот его настолько сильно поразил, что дальнейший доклад он слушал невнимательно». В значительной мере это предопределило решение царя отречься не в пользу сына, а брата. Таким образом, «передвинув» сообщение об измене конвоя, имевшее решающее значение, почти на сутки и вложив его в уста другого человека, главкосев тем самым пытался замаскировать тот факт, что именно он, Рузский, с помощью этого «убийственного» для царя аргумента сумел добиться, чего хотел. Пытался скрыть Рузский и свою главную роль в последующих событиях, приведших к отречению Николая.

Согласно второй версии решающим аргументом, побудившим царя решиться на отречение, было сообщение Рузского царю о том, что «весь гарнизон перешел во власть Временного правительства» и восстановить порядок уже невозможно. Это произошло 2 марта в 14. 30, когда Рузский докладывал Николаю о телеграммах Алексеева и главкомов, высказавшихся за отречение. Особо неприятное впечатление на царя произвела телеграмма великого князя Николая Николаевича. Он прочитал ее три раза. В третьей же версии мотив измены конвоя вообще отсутствует.

В первой версии убедивший царя отречься Рузский сообщает Алексееву и всем главкомам мнение Родзянко о необходимости отречения, и тем самым предрекает дело абдикации. Во второй версии убежденный сторонник ответственного министерства главкосев извещает телеграммой Алексеева о решении царя даровать оное и его

телеграмма «прошла по всем фронтам». Однако здесь сообщение главнокомандующим о необходимости отречения - инициатива вовсе не Рузского, а Алексеева. Наконец, согласно третьей версии это – исключительно дело рук Алексеева, причем «рук грязных». В действительности в этом вопросе Рузский проявил определенные колебания: вначале склонялся к мысли о необходимости ограничиться публикацией манифеста об ответственном министерстве, но потом решил отложить вопрос об отречении до выяснения обстановки, а когда стала известна позиция Ставки и главнокомандующих, высказался за абдикацию царя и стал добиваться именно ее.

В первой версии Рузский намеренно смешивает совершенно разные типы документов. Якобы подписанный царем к 15 часа «акт об отречении» в пользу Алексея, «телеграмму об отречении», переданную в это же время главнокомандующему для отправки, «манифест об отречении» от публикации которого генерал решил воздержаться и «акт отречения» в пользу Михаила», составленный самим царем и подписанный им в присутствии посланцев Думы после 22 ч вечера. Ни к одному из текстов этих документов Рузский не оказывается причастным. Все они добровольно составлены Николаем.

Во второй версии речь идет о переданной Рузскому у в 15 ч. телеграмме Николая об отречении в пользу наследника, которую хотели забрать у главнокомандующего, но тот ни за что не хотел ее возвращать, когда стало известно о приезде делегатов ВКГД. Здесь говорится о том, что, принимая их, государь удалился, чтобы написать телеграмму об отречении в пользу Михаила и затем, вернувшись, вручил им подписанный манифест об этом. В первой версии делегаты сразу же согласились с решением царя, и он подписал документ в их присутствии. Во второй же версии посланцы были поражены и получили из рук царя уже подписанный документ. В версии третьей в 15 ч царь набросал несколько черновиков на телеграфных бланках и передал их Рузскому. Один из них у него вскоре забрали назад, другой же он с разрешения Николая оставил у себя до приезда депутатов. Когда они приехали, у царя «был уже готов текст манифеста об отречении и ровно в 24 часа на 3-е марта он его подписал, пометив 2-е марта 15 часов, т. е. тем часом, когда принято было им решение отречься». Перед этим он подписал еще два указа Сенату: о назначении Г.Е. Львова председателем Совета министров, а великого князя Николая Николаевича - верховным главнокомандующим. Они были помечены 2-е марта 14 час. О реакции депутатов в этой версии ничего не сказано.

Характерно, что во всех версиях Рузский ставит знак равенства между актом об отречении, манифестом и телеграммой об этом. Очевидно, ему было важно убедить читателя в том, что телеграмма и есть акт отречения, переданный телеграммой это совершенно одно и то же.

Для всех версий, содержащих изложение событий 2 марта, характерно стремление автора скрыть свою причастность к составлению абдикационных документов и точно определить, что именно они собой представляли. Настораживает проходящая красной нитью через все версии мысль о том, что все тексты отречения являлись делом рук самого царя, убежденного (с помощью разных аргументов в различных версиях) в необходимости собственной абдикации. Хотя из документов Ставки известно, что проект манифеста об отречении в пользу Алексея был составлен в Могилеве, прислан оттуда в Псков в 19.40 и передан в руки Рузского в 20.20.^{xiv} Однако, как и когда он оказался в руках царя, каким образом Рузский передал текст абдикационного манифеста Николаю, ни документы Ставки, ни сам главнокомандующий ничего не сообщают. И это далеко не случайно, ибо хорошо видно, как Рузский старается всячески запутать это обстоятельство. Во всех трех версиях бросается в глаза настойчиво подчеркиваемая Рузским мысль о том, что до приема посланцев ВКГД царем, главнокомандующий не имел с ними никаких контактов, хотя и очень хотел с ними встретиться. Во второй версии для того, чтобы сообщить им, что царь уже отрекся и тем самым спасти престиж государя, в третьей же версии – чтобы попытаться убедить их избежать отречения. То, с каким упорством Рузский отрицает какие-либо контакты с

делегатами, позволяет предполагать обратное. Тем более, что существует свидетельство очевидца: действительно самому Рузскому переговорить с глазу на глаз с посланцами из Петрограда не удалось, однако его люди вступили в контакт с Гучковым и Шульгиным прежде, чем посланцы были приняты Николаем. Свидетелем этой встречи оказался штаб-офицер для особых поручений при дворцовом коменданте Г.А. фон Таль. Он находился на платформе псковского вокзала, когда поезд из Петрограда подошел к перрону и Гучков и Шульгин вышли из вагона. Согласно его воспоминаниям, к ним сразу же «подошли военный комендант станции Псков, что-то очень долго наговаривавший Гучкову по приказанию главнокомандующего генерал-адъютанта Рузского. В это время к депутатам подошел адъютант главнокомандующего штаб-ротмистр граф Шереметьев и пригласил их к генерал-адъютанту Рузскому, но тут же подошел флигель-адъютант Мордвинов и передал, что государь император их просит в собственный поезд, куда они и пошли». ^{xv} То есть по приказанию Рузского приехавшим что-то было сообщено, и разговор этот продолжался «очень долго». Бросается в глаза, что во всех версиях Рузский ничего не говорит, как, кем, когда и куда был передан акт об отречении царя после того как он был подписан. Да и вообще относительно переговоров Николая с депутатами относительно отречения Рузский отделяется отговорками, что это уже хорошо известно, явно не желая сообщать какие-либо подробности этого исторического события.

Как известно, Рузский имел прозвище «лиса». Фальсифицируя историю отречения последнего российского самодержца Николая II, его генерал-адъютант пользовался приемами, характерными для этого существа, выступавшего в русских народных сказках в качестве символа лицемерия, хитрости и обмана. Обмана весьма примитивного, но всегда удававшегося. Понятно, виртуозно владея этими приемами, Рузский пытался скрыть, что он сыграл важнейшую роль в этом событии, положившем начало крушения монархии в России. Но в отличие от доверчивых героев русских народных сказок, ставших жертвами лукавой Патрикеевны, историки этого процесса, закончившегося крахом Российской монархии, должны исключить из своих исследований какое-либо использование воспоминаний Рузского в качестве достоверного источника.

ⁱ Русская воля. 1917. 7 марта.

ⁱⁱ Красный архив. 1928. Т. 1(26) С. 203-208.

ⁱⁱⁱ Отречение Николая II: Воспоминания очевидцев, документы. М., 1990. С. 146-168.

^{iv} Красный архив. 1927. Т. 2 (21). С. 13-15, 19, 21-29, 31, 35, 41, 44-45 и др.

^v Там же. Т. 3(22). С. 8.

^{vi} Там же. С. 6.

^{vii} Там же. Т. 2 (21) С. 56, 59.

^{viii} Там же. С. 29, 42-43, 77.

^{ix} Там же. С. 13.

^x Там же. С. С. 52. На телеграмме нет обозначения времени отправки.

^{xi} Там же.

^{xii} Там же. С. 54.

^{xiii} Воейков В.Н. С царем и без царя. М., 1995. С. 106.

^{xiv} Красный архив. 1927. Т. 3(22). С. 7-8.

^{xv} Звезда. 2002. № 10. С. 187.